

1959

1956

66

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ОБЕРЕЖЕНО
1946 Г.

КОСТРОМСКАЯ
Центральная
Библиотека
И. Н. К. Крупской

М. 4434

КОСТРОМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. КОСТРОМА

8(с)р-1
5-38к

ПОЭМА.

КОСТРОМСКАЯ
Центральная
Библиотека
им. Н. К. Крупской

М. Н. З. 2
17 10/1920

ИЗДАНИЕ ГАЗ. „КРАСНЫЙ МИР“

КОСТРОМА.

1924.

8(с)а-1
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
КОСТРОМА

Типо-литография газ. „КРАСНЫЙ МИР“.
КОСТРОМА. В 1924.

Кострома 1923 г. Тублит № 1917.
Тираж 2000. Заказ № 1082.

КОСТРОМСКАЯ
Центральная
Библиотека
им. Н. К. Крупской

Л. Н. З. 2

Кострома.

(Поэма).

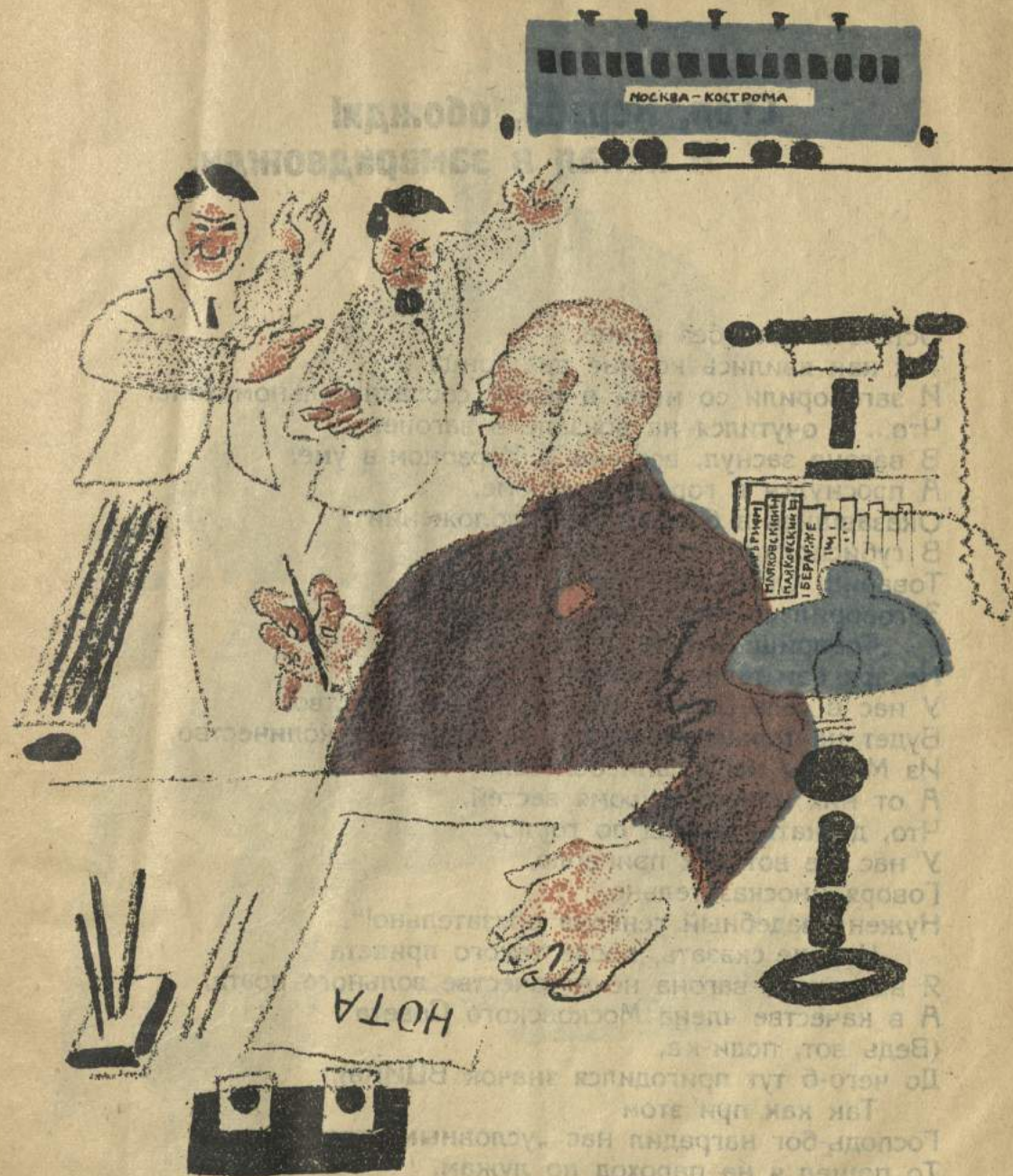
Что нам английские ноты! Есть свои заботы.

В минувшую субботу
Имел я одну заботу:
Ухмыльнуться так над Керзоновской угрозой,
Чтоб со мной засмеялась вся Москва.
И вот стал я выводить прозой
Такие слова:

Георгу Натаниелю, маркизу Керзону оф-Кедльстону, графу Кедльстонскому, виконту Скарсдельскому, барону Равенodelьскому, кавалеру наибогороднейшего ордена Подвязки, члену почетнейшего Тайного Совета Его Британского Величества, кавалеру и великому командору почетного ордена Звезды Индии, рыцарю и великому командору знаменитейшего ордена Индийской Империи и проч., и проч., и Его Величества главному секретарю и министру иностранных дел.

Революционной милостью, мы, Демьян Бедный, Мужик Вредный
 асея Советския России и иных советских республик рабоче-крестьян-
 ский поэт, наиблагороднейшего в мире боевого ордена Красной
 Звезды кавалер, славных 27-й и 51 й, громивших Колчака, Деникина
 и Врангеля, стрелковых дивизий почетный стрелок, многих заводов
 и фабрик действительный и почетный депутат, наипочетнейшей ком-
 мунистической партии член и Его Величества Пролетариата непре-
 менный секретарь и проч.. и проч., и проч. а равно Одесской Скотобойни
 почетный скотобоец, со всеми последствиями из сего звания для
 лордов, милордов, графов и баронов вытекающими,

Возьмели мы желание
 Написать вам сие послание,
 В коем, осуществляя данное нам полномочие
 Многопочти!!!

Многочетных дел
 вродь и проч.. в Его Величества глыбному секретарю и министр
 командору знаменнейшего ордена Индийской Империи и проч.. и
 командору почетного ордена Звезды Индия рыцарю и великому
 Тайного Совета Его Британского Величества, кавалеру и великому
 кавалеру наидляороднейшего ордена Подьякия, явну почетнейшего
 Келдстонскому, виконту Скардвельскому барону Равендовдскому,
 Теоду Натанелю, маркизу Керону оф Келдстон, тайфу
 Также слова:
 N вот стал я выводить прозой
 Под со мной засмеялся вся Москва
 Ухмылялся так над Кероновою прозой.
 Имею я одну явоту
 В минувшую субботу

НОТА

**Стоп, Керзон, обожди!
Я попал в замвридвожди.**

Осталась нота без конца,
Так как явились ко мне два гонца
И заговорили со мной в таком соблазнительном тоне,
Что... я очутился на вокзале в вагоне.
В вагоне заснул, все еще с Керзоном в уме,
А проснулся в городе Костроме,
Оказавшись в безвыходном положении
В губисполкомском окружении!
Товарищ Огибалов, предгубисполком,
Заговорил со мной таким языком;
— „Товарищ Демьян, делать неча!
Не зря вам такая встреча!
У нас в селе Шунге зажглось электричество,
Будет на торжестве народу необозримое количество,
Из Москвы мы ждали больших гостей,
А от них ничего, кроме вестей,
Что, дескать, заняты по горло.
У нас же вот как приперло,
Говоря иносказательно,
Нужен свадебный генерал обязательно!“
Короче сказать, после такого привета
Я вышел из вагона не в качестве вольного поэта,
А в качестве члена Московского Совета
(Ведь вот, поди-ка,
До чего-б тут пригодился значок ВЦИКа),
Так как при этом
Господь-бог наградил нас „условным летом“,
То пошел я на пароход по лужам,
Под надоедливом, мелким дождем.
Шел таким государственных мужем,
В некотором роде—замвридвождем!

**О советских чудесах
в Костромских лесах.**

Х Шутка шуткой, а дело делом,
Много есть чудес на свете белом,
Теперь на них прямо полоса. Но что все эти чудеса,
Сколь там они ни громки,
Перед чудом в селе Шунге на берегу Костромки.

Хотя тут покуда
Еще и нет чуда,
А лишь зерно размера малого,
Но зерно—чуда небывалого,
Чуда такого,
Что описать его толково,
Каким оно будет, достигнув зрелости,
Ни у кого не хватит смелости.
Может, это только по плечу
Одному Ильичу,
Чей образ был со мной неотступно,
Я же со всеми гостями купно
На новое электроздание
Глядел, затаив дыхание,
И, видя восторги местного населения,
Готов был заплакать от умиления.

**Буржуи! Интеллигентные книжники!
Смотрите, вот где подвижники!**

Х Сорок деревень,
Изо-дня в день,
Не три дня, а три года.
Погода—непогода,
Выбивались из силы,
Каждый рубил, и возил, и носил:
В черных дебрях дорогу прокладывал свету!

Серяки-мужики

Сорока деревень у Костромки-реки,
Описать ваш подвиг какому поэту? Х

Был великий у нас и развал и разор,
Нам враги вопияли: позор!
Позор!

За советскую власть вам расплата!—
Советская власть во всем виновата!“.

Нынче стали мы наши прорехи чинить
А в Шунге уже вона какая „заплата“!
Что-ж? Попрежнему-ль будут враги нас винить:
— Все советская власть виновата?!

Шунгенский герой и его завет: — Да будет свет!

— „До-го-ра-ай, м-мо-я луч-чи-на!“

Не коптеть тебе в Шунге зимней порой!—

Крестьянин Стругов, коренастый мужчина.

Вот кто подлинный шунгенский герой!

Его слова—электросвечи.

Даю осколок из его удивительной речи:

— В 19-м годе всякой видел, что деется в родной стране.

Надо становиться на крепкие ноги.

Сказал я советским властям:

— Устрою электрическую станцюю.

— Трудно!—говорят.

— Беру на себя ответ. Поддярживайте только.

— Поддяржим,—говорят.

Обратился я к народу:

— Братцы! Поддярживай!

— Поддяржим!

А когда народ говорить и обещаить, его все уже.

Поддярживали. Я народ забивал у кажную щель.

Нужно в один день 30.000 пудов выгрузить—выгружали.

Лошадей запрягали, сами впрягались.

— Давай! Давай! Давай!

Вида теперь здесь усех людей, забываетшь усе, что было пережито,

Одначе, когда решаишься на усе, усе делается скорее и кончается
спорее.

Сказали: да будет свет!

И вот: свет!

**Моя речь - импровизация.
Всеобщая электризация.**

Настал мой черед—сказать приветствие.
Я его не повторю здесь вследствие...
Вследствие того, что у хорошего стихотворения
Нет хорошего повторения.
Да и не мог я говорить дурно!
Все были наэлектризованы в электроизбе.
И если мне аплодировали бурно,
То аплодировали также себе,
Гордясь перед гостем из красной столицы
Редчайшим добром:
Огненным, ярким пером
Электрической, дивной Жар-птицы.

Когда на полянке прибрежной
Любовался я молодостью нежной
Крестьянских ребяток, взметывавших руки
И показывавших всякие гимнастические штуки,
Вдруг походкой поспешной
Подошел ко мне поп, сновавший в толпе,
И внезапно к руке моей грешной
„Устами прильпе“,
Назвавшись „жрецом народного миропонимания“.
Бедный, бедный отец-Леонид!
До чего довел его вид
Засверкавшего электроздания!

После электростроя
Чудо иного покроя.

Тут же рядом
С ревнивым взглядом
Стояли послы из деревни иной,
А потом все ходили за мной
И твердили весьма настоятельно,
Чтоб приехал я к ним обязательно.
А тому их мотивы:
„В Шунге орудуют кооперативы,
Хоть в Шунге огороды и высокого качества,
Но в ней еще много кулачества,
А в „Минском“, селе,
Беднота все сидит на земле,
Она нынче богаче,
Одначе,
О делах ее дивных посольство не скажет,
А дела все... на деле покажет“.

Два работника местных, Макаров с Быстрицким,
В оба уха мне стали гудеть,
Чтоб склонился я к просьбам мужицким:
Есть на что поглядеть!

**Вот это чудо, так чудо!
И другим деревням поучиться-б не худо!**

Через день поглядели.
Чудеса, в самом деле!
Не дошли мы до первого двора—
Навстречу с флажками детвора,
Румяная, курносая,
Звонкоголосая.
Солнце, кстати, не важничало,
За облаками не саботажничало.
Мужики и молодки приветливо шурились.
Старики тож не хмурились.
Ну прямо сказать, дорогая родня!
„Ждали, мил-лай, два дня.
Хлеб в других деревнях весь подмоченый, хилый,
А у нас погляди ты, каки зелены,
Рядовую все сеялкой сеяли, мил-лай!
Межи к чорту! Засеяли все под одно,
Сортировку выбрали семя-зерно.
Вон в 20-м году все кругом голодали,
Наказал, дескать, бог.
Знамо, глупость одна. Мы же весь продналог,
Не натужившись, сдали.
Ноне тоже не страшно. Не будет заминки.
А теперь погляди-ко на наши новинки!“

Новые машины—урожаю надбавка. „Соха-матушке“—отставка.

А новинок не счесть.
Все тут есть:
И плужки, и сеялки,
И особые веялки,
Борона к бороне на подбор—
Полон двор!

Из других деревень мужики прибывали.
Головами кивали.

Деревенский парад—не парад,—
В оны годы б сказал: „это все маскарад!“.
А теперь это явь была самая точная,
Быт советский, действительность прочная:
Мимо веялок,

Сеялок,
За плохую
Сохою
Лохматый,
Горбатый,

Истомленный мужицкой истомою,
Подпоясанный желтой соломою,
В рваной шапке, в дырявых лаптях,
Измочаленных на невозвратных путях,
Шел, согнувшись, дед—Хренов, седой комсомолец
Из деревни Подолец.
Загязив свою соху умышленно в грязь,
Дед ее топором сразу—хрясь!
Хрясь!

„Вот те, старая ты! Разледащая!
Соха-матушка ты распропащая!
Это ты мужиков превращала в калек!
Это ты меня гнула к земле весь мой век!
Это ты меня по миру даве пустила!
Это ты подвела мне живот!
Это ты, это ты мне мой горб нарастила!
Ну так вот тебе! Вот!
Хрясь! Хрясь! Хрясь!“.

До того это было замечательно,
Что я весь размяк окончательно
И стал целовать старикашку в засос
И в губы, и в нос!

**Последние речи.
— До новой встречи!**

Дальше было... Понятно, что было,
Я загнал себя в мыло,
Говорил, говорил, даже слов не хватило,
А уехал, сказал, оказалось мало,
Все сказать—не хватило бы целого дня.
Провожая меня,
Чуть не каждый ко мне подходил и справлялся:
„Как Ильич? Передай, чтоб скорей поправлялся!
И за то, что тебя к нам прислали, спасибо.
Расскажи там про нас, если спросит кто-либо,
За проезд к нам за твой—
Этот день будет праздник у нас годовой,
День церковный похерим,
Потому как тебе и всей власти мы верим,
Ее любим и с нею согласны во всем,
А кто тронет ее—мы его утрясем!“
Дальше проводы к Волге и свежая рыбка..

✕ Кострома—это „город-улыбка“!
Уезжая, вздохнул я невольно,
„Расставаться, товарищи, больно.
Шутки-шутки, а вот я возьму
И махну навсегда из Москвы в Кострому!“ ✕

В ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ
„КРАСНЫЙ МИР“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

А. Я. Виленкин—Политпросвет-работа в общественной библиотеке.

Н. А. Знаменский—Комплексный метод преподавания (Теория и практика).

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

А. Я. Виленкин—Политпросвет-работа в общественной библиотеке (сборник 2-й).

Н. Н. Виноградов—Курс краеведения для единой трудовой школы (перераб. по комплексной системе).

Прием заказов и оптовая продажа на складе: Кострома,
Советская 13, „Красный Мир“.

Оптовым покупателям скидка до 30%.

КОСТРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. К. Крупской

М 4 Н 34

М 4 Н 34